

ВЕРЬТЕ ТОЛСТОМУ!

«душа надобна», мне сразу стало в роли легко. И я уже не только не смягчал, но, напротив, всецело отдавался религиозности Акима, потому что за

«ИСКУССТВО писателя замечательное, но какое унижение искусства! Какое отсутствие, больше того — отрицание идеала, какое унижение нравственного чувства, какое оскорбление вкуса!.. День, в который драма Толстого будет представлена на императорских театрах, будет днем *решительного падения* нашей сцены, которая и без того уже упала очень низко...»

Это — из письма Победоносцева Александру III. Это отзыв о «Власти тьмы» Толстого.

К чести старого русского театра, он не согласился с этой точкой зрения. Пьеса и до революции получила ряд талантливых воплощений. Однако стоит задуматься над тем, почему Победоносцев так испугался этой бытовой драмы, имеющей сильный привкус «толстовства», завершающейся финальным покаянием Никиты и пронизанной мыслью о том, что бог всеведущ и всемогущ. Только ли потому, что картины разложения пореформенной русской деревни смущали его обожанием правды, или пьеса не устраивала в целом, в своих негативных и позитивных началах, в своем величии и в своей, как мы часто думаем, слабости?

Ведь не секрет, что в советское время «Власть тьмы» ставилась робко и редко. Несмотря на ее обличительную силу, многое в ней казалось продиктованным не критическим реализмом Толстого, но его философскими заблуждениями. И больше всего беспокоил Аким — христианинствующий, резонерствующий, беспрерывно взывающий к богу и словно вместивший в себя одного все слабые стороны толстовского учения.

Легко понять мое волнение, когда несколько лет назад я оказался перед необходимостью сыграть на сцене Малого театра именно этот сложный для советского актера образ.

С первой минуты я понимал, что встреча с Толстым может до дна перевернуть мою творческую жизнь, преобразить меня как артиста и человека. И не только потому, что я, представитель так называемого комедийного амплуа, чуть ли не впервые получил возможность попробовать свои силы в драматической роли. Ведь это был Толстой, национальный гений, с детства обожаемый мною писатель, оказавший решающее влияние на мое духовное развитие.

Должен сказать, что, отдавая себе отчет, какие подводные рифы ждут меня на пути воплощения роли Акима, я сам ее выбрал. Режиссер спектакля «Власть тьмы» в Малом театре Б. Равенских представлял себе меня и в роли Митрича, более близкой мне бесхитростным юмором, добросердечием, русской сметкой и озорством. Митрича играть было проще, Акима труднее. Но что-то очень личное и дорогое всколыхнулось во мне при соприкосновении с этим образом.

Однако на первых порах я растерялся. Я не знал, как остаться верным Толстому и в то же время не погрешить против собственных взглядов на жизнь, истолковать образ в соответствии с идеологией совет-

Игорь ИЛЬИНСКИЙ

ского художника. Был момент, когда я чуть не отказался от роли, но могучий талант Толстого захватил меня и увлек на дорогу правды, властно требуя доверия к себе.

Я понял: мы совершаем ошибку, когда механически, грубо делим Толстого на художника и мыслителя. Каждый его образ — это сложный сплав, и даже если тот или иной персонаж несет на себе печать непротивленческой философии, всегда есть возможность опереться на достоверную основу данного характера, посмотреть, чем он продиктован в жизни.

Аким Толстого — воинствующий религиозник. По всякому поводу он поминает бога, в любом происшествии видит божий промысел. В то же время по своей функции в пьесе Аким — положительный герой. Как поступить советскому актеру, когда он получает такую роль? Можно было попытаться смягчить, завуалировать страстность акимовских суждений о боге, укрывать их за характерностью, нейтрализовать юмором. Это был путь вулгаризации, и мы на него не встали. Решение пришло тогда, когда мы попробовали опереться на общий нравственный пафос произведения, взглянуть на Акима с народной точки зрения.

Я понял, что бог Акима — это выстраданный мужичий бог, что за этим псевдонимом укрыты народные представления о чести, о совести. Это трудовая деревня, обороняясь именем бога, защищает свои моральные устои от скверной жизни, в чем бы она ни проявлялась: в пьянстве ли, в разврате, в спекуляциях «банки», в любом преступлении, порожденном «тьмой» деревенской и городской.

Когда бог Акима накрепко ассоциировался для меня с понятием совести, с народным убеждением, что во всяком деле

ней вставала для меня большая историческая конкретность.

Аким для меня — не моралист и не резонер, как порой понимали этот образ. Мне кажется, что Аким кровью сердца оплачивает каждое огорчение, которое его подстерегает в жизни, что он непримиримо активен в своей борьбе за совесть и не идет на компромиссы ни в чем. У Толстого несколько раз сказано об Акиме: «разгорячась» и даже «взвизгивает». У нас он не столько взвизгивает, сколько взвизывается всякий раз, когда видит нечто противное его убеждениям. Я особенно искал остроту и силу реакции Акима на ложную клятву сына в первом акте, когда тот, отрекаясь от Марины, осеняет себя крестом, искал неопровержимость мужицкой логики героя, когда он осуждает бесчестность «банки» и, сидя на печке, почти физически страдает, видя, как куражится пьяный Никита, прохваченный всеми соблазнами буржуазного города.

Так мы поверили Толстому, и он вознаграждал нас за это живым ощущением правды, которое испытывают все участники спектакля. И если уж быть до конца откровенным, придется сказать, что в финале мы были недостаточно последовательными в осуществлении собственного принципа. Финал поставлен несколько картинно, одними режиссерскими средствами. Трагедия Толстого не завершается катриссом: нет «очищения», захватывающего всех присутствующих и проникающего из души в душу. Боязнь религиозного экстаза умилила значение подъема нравственного.

Так последний раз я убедился, что у Толстого, этого великого сердцеведа, все написано, что слабое и преходящее в его творчестве отступает перед дуновением этого всепального таланта. Счастлив, что мне выпала на долю возможность приблизиться к строительству прекрасного здания, которое называется театром Толстого.

19.XI.60.
Игорь Ильинский